

Emil Brunner. Gott und Mensch. Vier Untersuchungen über das personhafte Sein. 1930. Verlag von I. C. B. Mohr (Paul Siebeck). Tübingen.

Послѣ самого К. Барта Бруннеръ самый выдающійся теологъ бартіанскаго направленія. Книги его отличаются остротой и напряженностью мысли. Новая книга его «Gott und Mensch» объединяетъ четыре лекціи, изъ которыхъ наиболѣе интересна первая «Die Gottesidee der Philosophen und der Schöpfergott des Glaubens». Эта книга даетъ мало новаго по сравненію съ прежними книгами Бруннера, онъ повторяетъ въ ней свои излюбленныя идеи. Какъ и во всемъ, что онъ писалъ, онъ воюетъ въ ней противъ нѣмецкаго идеализма и романтизма, противъ философскаго ученія о Богѣ, противъ Шлейермахера и Ричля, и призываетъ къ авторитету Библии и однократнаго откровенія, къ персонализму въ пониманіи Бога и человѣка, который по его мнѣнію недостижимъ для философіи. Вѣрный истокамъ реформациі — онъ утверждаетъ возможность лишь вѣры, а не созерцанія. Бартіанство есть крайній трансцендентизмъ. Автономія идеалистической философіи означаетъ имманентность Бога человѣческому разуму и сознанію. Это и есть главный врагъ откровенія. Философская идея Бога для Бруннера всегда монистична и пантеистична или мистична, что противоположно откровенію личнаго Бога-Творца. Философски обосновать вѣру въ личнаго Бога невозможно. Имманентизмъ несоединимъ съ Личностью и Творцомъ. Греческая философія и вообще философія не знаетъ идеи творенія. Философъ — монологическій, а не діалогическій мыслитель. Бруннеръ, какъ и всѣ бартіанцы, постоянно повторяетъ мысль Паскаля — Богъ Библии ничего общаго не имѣетъ съ Богомъ философіи. Мы все можемъ мыслить и превращать въ систему кромѣ Бога. «Warüber wir nicht Meister sind: das ist einzig und allein Gott». Богъ есть прежде всего Господинъ. Богъ не объектъ для насъ, Онъ — Субъектъ, человѣкъ есть его объектъ и потому рабъ. Бога нельзя познать, Онъ можетъ лишь Себя открыть. Это есть радикальное преодолѣніе истолкованія протестантизма, какъ субъективизма. Личное нельзя мыслить. Личное дано въ откровеніи и вѣрѣ. Вѣра не значитъ узнать Бога, а значитъ быть узаннымъ Богомъ. Человѣкъ есть прежде всего грѣшникъ. Грѣха же не знаетъ философія. Только вѣрѣ открывается однократное и единичное. Историческое сознаніе есть плодъ этой вѣры. Философіи чуждо это сознаніе. Не человѣкъ приходитъ къ Богу, а Богъ приходитъ къ человѣку. Человѣкъ лишь слушаетъ и слушается. Какъ для типичнаго протестанта, для Бруннера выше всего вѣра. Противоположна грѣху не добродѣтель, а вѣра. Только въ вѣрѣ человѣкъ свободенъ. Свобода есть зависимость отъ Бога. Всякая другая свобода для

Бруннера означает пелагианство. Законъ побѣдимъ только вѣрой. Характерно протестантской является у Бруннера также боязнь магическаго. Божій Духъ не есть магическая энергія, а Духъ говорящій, изрекающій слово. Бруннеръ повторяетъ замѣчательную мысль Лютера, что не добрыя дѣла дѣлаютъ человѣка добрымъ, а добрый человѣкъ дѣлаетъ добрыя дѣла. Добрая же воля есть вѣра. Мысли Бруннера о церкви— самая слабая часть его книги. И это не есть его личная слабость, это слабость всего протестантизма. Бруннеръ дорожитъ существованіемъ церкви. Церковь основана на словѣ Божьемъ и на волѣ Божьей, а не на волѣ человѣческой. Вѣра дана въ христіанскомъ общеніи, въ христіанской общинѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бруннера пугаютъ современные призывы къ церкви. Онъ боится церковнаго имперіализма, боится пониманія церкви, какъ силы. Церковь есть вѣра, а не сила, есть слушаніе слова Божьяго. Онъ остается въ рѣзкомъ протестѣ противъ католическаго пониманія церкви. Пугаетъ его также сакраментально-магическое пониманіе Тѣла Христова. Въ бартіанскомъ направленіи вообще есть отталкиваніе отъ сакраментализма и литургизма. Страхъ магизма есть традиціонный протестантскій страхъ. Этотъ страхъ ложнаго магизма мѣшаетъ Бруннеру, какъ и вообще протестантамъ, раскрыть ученіе о церкви, какъ о Тѣлѣ Христовомъ. Антропология Бруннера основана на томъ, что человѣкъ есть существо слушающее слово Божье. Человѣкъ получаетъ свое «я» отъ «Ты». Онъ въ томъ только случаѣ есть, если есть «Ты», если есть Богъ. Человѣкъ — грѣшнень, но грѣшнымъ можетъ быть лишь существо, сотворенное Богомъ. Христіанская психология понимаетъ человѣка въ его пртивоположностяхъ. Въ главѣ о «Библейской психологіи» Бруннеръ очень основательно возстаетъ противъ такъ называемой научной психологіи и отдаетъ предпочтеніе психологіи художественной приближающей къ повседневной жизни. Фрейдъ также далъ гораздо больше, чѣмъ старая психология.

Главное возраженіе, которое должно быть сдѣлано противъ Бруннера и бартіанской теологіи вообще, связано съ тѣмъ, что его богосознаніе остается ветхозавѣтно-библейскимъ: Бого-сознаніе и богоотношеніе остаются какъ бы до боговоплощенія и боговочеловѣченія. И потому христіанство не есть религія Богочеловѣчества. Истина о Богочеловѣкѣ совсѣмъ не раскрывается въ этомъ типѣ теологіи. Отношеніе человѣка къ Богу въ сущности опредѣляется не черезъ Христа и не во Христѣ. Богъ понимается въ духѣ отвлеченнаго монотеизма, внѣ тринитарности. Съ этимъ связано и Бруннеровское пониманіе отношенія между религіознымъ откровеніемъ и философией. Тутъ Бруннеру принадлежатъ самыя острыя мысли. Но главнаго

онъ совсѣмъ не разрѣшаетъ. Бруннеръ думаетъ, что его библейская теологія совершенно свободна отъ всякой философіи. Но это ошибочная претензія. Бруннеръ въ сущности принужденъ отрицать всякую философію. Но давно уже было замѣчено, что сознательное отрицаніе философіи есть также философія. И отрицаніе философіи въ теологіи Бруннера есть тоже философія. Пусть онъ возстаётъ противъ зависимости католической теологіи отъ Аристотеля, теологіи Шлейермахера или Ричля отъ философіи нѣмецкаго идеализма и имманентизма. Чувствуется, что самъ онъ тоже прошелъ черезъ Канта, что персонализмъ его міросозерцанія, которой онъ выводитъ изъ откровенія, есть тоже своеобразная философія, есть философская интерпретація откровенія. Вотъ что непреодолимо для Бруннера, какъ непреодолимо ни для кого: откровеніе двучленно, а не одночленно, оно предполагаетъ не только Того, Кто открывается, но и того, кому открывается, не только Бога, но и человѣка и человѣкъ не можетъ быть только пассивнымъ слушателемъ въ воспріятіи откровенія, человѣкъ активно реагируетъ на то, что ему открывается свыше, и ему открывается въ соотвѣтствіи со структурой его сознанія. И поскольку человѣкъ имѣетъ активную и творческую реакцію на откровеніе своей мыслью, разумной стороной своего существа, онъ неизбежно имѣетъ философію въ воспріятіи откровенія. Это связано съ ученіемъ о человѣкѣ въ свѣтъ идеи богочеловѣчества, которое недостаточно раскрыто Бруннеромъ и бартіанской школой. Но бартіанство имѣетъ огромную заслугу, которое дѣлаетъ все движеніе религіозно значительнымъ, — острое сознаніе кризиса и катастрофы и острая критика всего, что признается священнымъ и освященнымъ въ нашемъ грѣшномъ мірѣ, но освящено не Богомъ, а людьми, непрямое желаніе за голосами человѣческими услышать голосъ Божій.

Николай Бердяевъ.

